

ФРАНКО-РУССКІЯ ВЛІЯНІЯ.

«Дурной воздухъ, замѣчаетъ г-жа Сталь въ «Кориннѣ», — бичъ обитателей Рима... но онъ какъ будто способствуетъ впечатлѣнію отъ пышныхъ садовъ въ стѣнахъ Рима. Зловредное вліяніе не называется никакими внѣшними признаками: вы впиваете воздухъ, который кажется чистымъ и который очень приятенъ; все улыбается вамъ на этой плодоносной землѣ; очаровательная свѣжесть приноситъ вамъ вечеромъ отдохновеніе отъ жгучихъ дневныхъ жаровъ: и все это — смерти!»

— Я люблю, говорилъ Освальдъ Кориннѣ, эту опасность, таинственную, незримую, являющуюся въ образахъ самыхъ привлекательныхъ. Если смерть, какъ я думаю, ничто иное, какъ призывъ къ счастливѣйшему бытію, то почему бы запахъ цвѣтовъ, тѣнь прекрасныхъ деревьевъ, освѣжающее дуновеніе вечерняго вѣтерка не являлись предвозвѣстниками ея?». И далѣе, онъ пускается въ благоразумное разсужденіе о томъ, что все же правительству слѣдовало бы принять мѣры по борьбѣ съ маляріей, одинаково опасной, какъ для коренного населенія, такъ и для иностранцевъ-туристовъ.

Тутъ никакихъ сомнѣній быть не можетъ. Тютчевъ просто переложилъ эту ложеную прозу въ свои потрясающіе стихи. Но вмѣстѣ и отвѣтилъ «Освальду»: «И ими-то судебъ посланникъ роковой, когда сыновъ земли отъ жизни призываетъ, какъ тканью легкою свой образъ прикрываетъ, да утаитъ отъ нихъ приходъ ужасный свой!»

Приведу, кстати, еще одну параллель, на которую натолкнулся при чтеніи г-жи Сталь: «Читая мое изложеніе основныхъ идей нѣкоторыхъ нѣмецкихъ философовъ... свѣтскіе люди, пожалуй, спросятъ: что пользы («a quoi sert») во всемъ этомъ? Но что пользы въ Аполлонѣ Бельведерскомъ?..» (De l'Allemagne). — Тебѣ бы пользы все, на вѣсь кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій...

✱

Въ бальзаковскомъ «Le Lys dans la vallée» герой романа Феликсъ встрѣчаетъ

на балу женщину, которой суждено на всю жизнь связать съ нимъ свою судьбу. Она садится рядомъ съ нимъ. Сразу пораженный любовью, не отдавая себѣ отчета, что онъ дѣлаетъ, онъ цѣлуетъ ее. Она вскрикиваетъ и скрывается. Еще въ дѣтствѣ Феликсъ любилъ подолгу глядѣть на звѣзды. И вотъ теперь онъ думаетъ: «Итакъ, узнавши съ голубыхъ полей, гдѣ я съ восхищеніемъ глядѣлъ на нее, моя дорогая звѣзда стала женщиной...» Съ тѣхъ поръ у него одна мысль: разыскать незнакомку. Къ символу женщины-звѣзды Бальзакъ возвращается на протяжении романа нѣсколько разъ. Вотъ «клѣтка», изъ которой развилась «Незнакомка» Блока.

✱

Въ «Дневникѣ поэта» А. Де Виньи есть такое мѣсто: «Трудно предсатвить себѣ, что Робеспьеръ былъ ребенкомъ, что нянька держала его на рукахъ, что мать улыбалась ему, что о немъ говорили: какой прелестный мальчикъ!» Ин. Анненскій: «Подумай! На рукахъ у матерей все это были розовыя дѣти!..» Что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ — зависимость или совпаденіе, — нельзя рѣшить. Но соблазнительнѣе предполагать совпаденіе. Это было бы разительнымъ доказательствомъ вѣянія, среди избранныхъ божьихъ, объективнаго Духа.

П. Бицилли.

ДОСТОЕВСКІЙ И ЖОРЖЪ САНДЪ

Въ послѣднемъ выпускѣ «Revue de littérature comparée» г-жа ф. д. Бринкенъ возстаетъ противъ распространеннаго мнѣнія о серьезномъ вліяніи, оказанномъ будто бы Жоржъ Сандъ на Достоевскаго. Какъ извѣстно, еще Бѣлинскій считалъ автора «Униженныхъ и оскорбленныхъ» основоположникомъ русскаго соціального романа въ духѣ Ж. Сандъ. Сопоставленіе это сдѣлалось съ тѣхъ поръ ходячимъ, и мы встрѣчаемъ его какъ у русскихъ критиковъ (Конст. Леонтьевъ, Владиміръ Соловьевъ), такъ и у иностранныхъ (Вогюэ, Оманъ).

До недавняго времени никто не думалъ о подкрѣпленіи этой мысли конкретными

примѣрами. Только въ 1921 году г. Прохаска въ своей книгѣ о Достоевскомъ провель нѣкоторыя параллели. По мнѣнію этого автора, основная идея, питающая все творчество Достоевскаго, — идея освобожденія и искупленія рода человѣческаго черезъ женщину, — заимствована была у Жоржъ Сандъ. Еще болѣе рѣшителенъ и точенъ г. Комаровичъ, которому нѣмецкое издательство Пиперъ и Ко поручило комментированіе неизданныхъ сочиненій Достоевскаго (выпускаемыхъ, по соглашенію съ совѣтской властью, въ первую очередь на нѣмецкомъ языкѣ). Впрочемъ, г. Комаровичъ упрощаетъ проблему, сводя ее къ простымъ внѣшнимъ заимствованиямъ. Онъ полагаетъ, напр., что главныя дѣйствующія лица «Братьевъ Карамазовыхъ» не что иное, какъ копія героевъ «Мопра» и т. п.

Какъ сказано, г-жа ф. д. Бринкенъ считаетъ всѣ эти утвержденія неосновательными. Нѣтъ такого писателя, какъ бы ни былъ онъ гениаленъ, у котораго нельзя было бы указать эпизоды или отдѣльныя фигуры, въ чемъ либо напоминающіе то, что создано было воображеніемъ предшественниковъ. Но отсюда еще далеко до прямого заимствованія. Всѣ обвиненія Достоевскаго чуть ли не въ пародіяхъ, граничащихъ съ плагиатомъ, г-жа ф. д. Бринкенъ отвергаетъ. Въ дѣйствительности, по ея мнѣнію, въ его произведеніяхъ установитъ вліяніе Жоржъ Сандъ можно только дважды. Въ одномъ случаѣ, рѣчь идетъ объ эпизодѣ, въ другомъ — о типѣ. Эпизодъ заимствованъ изъ «Leone Leoni» и использованъ въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» (исторія матери маленькой Нелли). Здѣсь параллелизмъ выраженъ довольно ярко. Герой, котораго имѣетъ въ виду г-жа ф. д. Бринкенъ, — это Ральфъ Броунъ изъ «Индіаны», — условный типъ англичанина, довольно распространенный въ континентальной литературѣ. Онъ послужилъ прообразомъ мистера Астля въ «Игрокъ».

Вотъ и все, что Достоевскій заимствовалъ у французской писательницы. Заимствованія ни многочисленныя, ни особенно счастливыя. О.

ПОДНОВЛЕННЫИ ДИККЕНСЪ

Перелицовка знаменитѣйшихъ произведеній міровой литературы, перекраска ихъ облупившихся фасадовъ въ бодрые и «отвѣчающіе духу времени» цвѣта до сихъ поръ считалась привилегіей юмористовъ, захоластныхъ чудаковъ и совѣтскихъ режиссеровъ. Утѣшительнымъ при этомъ было то, что юмористы дѣйствовали шутя, чудаки не рѣшались обнаруживать своихъ трудовъ и даже совѣтскіе режиссеры не претендовали на окончательную замѣну негоднаго стараго «Ревизора» Мейерхольдовскимъ его усовершенствованіемъ. Иначе поступилъ извѣстный англійскій поэтъ и романистъ Робертъ Гревсъ, только что выпустившій книгу, безъ лишней скромности названную имъ настоящимъ Давидомъ Копперфильдомъ.

«Настоящій Давидъ Копперфильдъ» — это старый, всѣмъ съ дѣтства памятный и милый Диккенсовскій романъ, полавшій въ руки трезваго и практическаго человѣка, рѣшившаго, что даже и такая ветюшь можетъ пойти въ прокъ, если какъ слѣдуетъ вывѣтрить изъ нея затхлую старину и подвергнуть ее тщательной химической чисткѣ. Въ предисловіи Робертъ Гревсъ объясняетъ, что, рѣшившись перетряхнуть запыленную книгу «испускающаго духъ школьнаго классика», онъ нашелъ въ ней, несмотря на чудовищное количество грубыхъ ошибокъ, хорошую фабулу, рядъ недурно переданныхъ разговоровъ и кое какія заслуживающія интереса описанія.

Фабула, впрочемъ, тоже удовлетворила его не вполне и заключеніе роману онъ придумалъ самъ, замѣнивъ имъ послѣднія двѣсти страницъ, «принадлежащія къ скучнѣйшимъ и слабѣйшимъ, какія Диккенсъ когда либо написалъ» и запятнанныя къ тому же несноснымъ морализирующимъ лицемѣріемъ Викторианской эры. Въ остальномъ чистильщикъ удовольствовался устраненіемъ всего, что ему казалось лишнимъ: подробностей, отступленій, поэтическихъ выдумокъ и вольностей. Повѣствовательный текстъ пришлось ему все же такимъ образомъ почти сплошь переписать заново.